

Е. А. Салиас

Петербургское действо

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Петербургское действо: Часть 1 / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию,
2020. – 230 с.

ISBN 978-5-458-52660-9

Исторический роман.
(1762 г.)

Посвящается Александру Алексеевичу Нарышкину.

ISBN 978-5-458-52660-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Онъ вздохнулъ, зашевелился, передвинулъ ногами на уютанномъ имъ снѣгу и сталъ озираться.

Оглядѣлъ онъ полянку, голую сѣтъ стволовъ, ее окаймлявшую, потомъ глянулъ около себя на оружіе, но, казалось, не вполне еще сознавалъ окружающаго. Мысль его была еще слишкомъ далеко и еще не вернулась сюда, въ глушь, гдѣ топчутся кругомъ этотъ обмерзлый лѣсъ, гдѣ этотъ морозъ трещитъ и гдѣ стоять, прислоненные къ обледенѣлой корѣ, рогатина и мушкетонъ, для любимой забавы, для боя, одиночна-одиночн, съ страшнымъ и сильнымъ, но всегда побѣждаемымъ врагомъ.

Однако онъ взялъ машинально сильной большой рукой тяжелую рогатину, отвачнулся отъ дерева и оперся на нее... ради перемѣны положенія и отдыха тѣла.

Полупрерванная, движеніемъ его, мысль снова овладѣла имъ.

— Да, моя бы воля! вдругъ вслухъ сказалъ онъ и его собственные слова разбудили и его самого и окрестъ молчащій лѣсъ.

Вдали раздался едва слышно какой-то звукъ. Не то хрустнуло что-то, не то звякнуло. И послѣ одинокаго робкаго звука снова воцарилось то же затишье, тотъ же застой... Только и жизни, что въ облакахъ, а на землѣ все замерло, все недвижно.

— Чтожъ, однако... Тоска какая... Да и морозно! Нынѣ должно быть, незадача отъ нѣмцева глазу, пробормоталъ онъ едва слышно, и повелъ плечами.

Онъ начиналъ чувствовать, что сильный морозъ сталъ, наконецъ, пробираться и подъ его мѣховой кафтанъ, опоясанный ремнемъ, съ серебряными насѣчками. У ремня торчалъ большой турецкій пистолетъ и висѣлъ длинный, кривой кинжалъ. Но, однако, охотникъ тотчасъ же снова поднялъ голову и лицомъ къ мѣсяцу, снова забылъ про морозъ, лѣсъ и свою затѣю.

— Да. Лейбъ-Компанцы... Въ одну ночь все дѣйство произвели! вымолвилъ онъ снова вслухъ, но вдругъ тотчасъ же какъ бы опомнился, оглядѣлся на дикій лѣсъ и задвигался, окончателно разбуженный собственными мыслями.

Не сказаннаго вслухъ оробѣлъ, конечно, молодецъ, а тѣхъ

мыслей, что наплывали, бились, роились и, не укладываясь въ головѣ его, бѣжали и смѣнялись другими. Одна только изъ нихъ постоянно будто рѣзала остальные, пропускала ихъ всѣ, а сама оставалась въ головѣ, точь-въ-точь какъ вотъ этотъ мѣсяць: пропускаетъ мимо себя встрѣчныя причудливыя кучки облаковъ и рѣжетъ ихъ... Они бѣгутъ прочь, дальше, невѣдомо куда, по далекой синевѣ, и исчезаютъ въ полночномъ небѣ, а мѣсяць хоть будто и плыветъ, а все тутъ, на мѣстѣ, и снова свѣтитъ, и снова сіяетъ.

Мысль эта тоже, какъ мѣсяць въ небѣ, давно ясно и несмѣняемо воцарилась въ головѣ его. Мысль эту неотвязную онъ и выразилъ вслухъ, словно въ отвѣтъ на все остальное, что наплывало въ молодую голову и смущало ее образами и картинами, которыя, одна ярче другой, одна заманчивѣе другой, были всѣ вполне чужды всему окружающему. Чужды и окрестному дикому лѣсу и его вооруженію. И, зная, не забыть его та затѣя, которая привела его сюда: мерзнуть терпѣливо на морозѣ и, озираясь, прислушиваться ко всякому шороху или звуку, ко всему, что можетъ ожить вдругъ среди этой нѣмоты ночной, среди глубокихъ снѣговъ и помертвѣлой чащи.

— Времена не тѣ были... Да!.. снова отдался онъ своимъ грезамъ. — За то въ одну ночь... Простые рядовые, гренадеры... Теперь они лейбъ-компанцы, да дворяне, а то Ваньки, да Васьки были. А лѣварь-то этотъ, французъ, да еще съ французскими же и деньгами, былъ тутъ не причемъ. Эдакаго одними деньгами не купишь!.. Сама государыня, сказываютъ, только вздыхала, да робѣла... Лестокъ чуть не силокомъ свезъ ее въ казарму... Божье изволенье все сотворило. Гласъ народа — гласъ Божій. А не будь его, какіе тутъ французскіе червонцы что сдѣлаютъ. А нынѣ гласъ народа воистину слышенъ. И черный народъ, и нашъ братъ, дворянинъ, и гвардія.... Только кличь кликни кто... Первый! Да, но кто?! Кто?.. Моя бы воля... Эхъ, все пустое! Мысли одни!!

Раздался шорохъ среди чащи направо отъ полянки и охотникъ привычнымъ глазомъ быстро и зорко окинулъ оружіе за поясомъ, брѣвче обхватилъ рогатину и сталъ глядѣть присталь-

нѣе въ чашу. Что-то хрустнуло и звучнѣе и ближе и шорохъ приближался... Охотникъ двинулся слегка изъ-подъ дерева и сталъ на краю опушки, весь освѣщенный луной. Въ ту же минуту на противоположной сторонѣ тоже появилась фигура человѣка и раздался голосъ.

— Эй! Не медвѣдь. Смотри, не пальни!

— А я ужъ было думалъ и онъ! отозвался этотъ.

Появившійся на опушкѣ былъ тоже охотникъ и будто двойникъ перваго. Такого же могучаго роста, такой же плечистый и молодецъ съ виду. Оба были къ тому же и одѣты и вооружены одинаково, только у втораго не было рогатины.

Охотники богатыри, увязая въ снѣгу по колѣна, сошлись на ясной полянкѣ. Это были братья Орловы: первый — Григорій, вновь подошедшій — Алексѣй.

II.

— Что, Алеханушка?... Видно чухонецъ-то во снѣ видѣлъ Мишку... Должно медвѣдей тутъ и не бывало никогда съ тѣхъ поръ, что мы цѣлую семейку объ Рождество ухлопали.

— Не можетъ статься, Гриша, отозвался младшій братъ.— Тутъ на сто лѣтъ хватить и лосей, и медвѣдей, и всякаго звѣрья. Просто незадача. Говорилъ я — сглазить насъ этотъ проклятый Будбергъ. Знамое дѣло! Молодцы ѣдутъ на охоту, а онъ пути желаетъ, да удачи... Ну, и сглазилъ окаянный голштинецъ.

— Видишь ли, по ихнему изъ вѣжливости такъ слѣдь. Да это и вздоръ... глазъ-то, вымолвилъ Григорій Орловъ.

— Вздоръ... Толкуй. У тебя все вздоромъ стало послѣ граничнаго житья. Это російская примѣта—самая вѣрная.

Братья помолчали. Алексѣй снова заговорилъ.

— А меня, братъ, морозъ сталъ одолѣвать съ тоски. Пора бы ужъ въ Красный. Поужинаемъ, да и домой. Ей-Богу! Мало-ль что?.. Можетъ даже нужда въ насъ случится. Да и морозина тоже чертовскій, всю ночь не выстоишь. Какъ, Гриша, на твой разсудокъ?

— Обидно съ пустыми руками.

— Нашихъ-то не слышать. Словно померли всё... Надо думать, они за версту уползли. Если и поднимуть Мишку, не намъ достанется. Пойдемъ-ка въ лошадамъ? А?..

— Пойдемъ, коли хочешь, равнодушно отозвался Григорій.

— У меня, по истинѣ, и не то на умѣ. Не такъ, какъ бывало прежде. Какія теперь забавы, до охоты... тише сказалъ Алексѣй Орловъ.

— Да. Нынѣ не такой медвѣдь изъ Нѣмецїи пожаловаль вдругъ, да на шею сѣлъ! весело разсмѣялся вдругъ старшій братъ, потрясая могучими плечами, и звонко раздался его смѣхъ богатѣрской среди серебрястой чащи.

Нѣсколько смѣжинокъ отъ смѣха и отъ движенія его посыпались съ ближайшей сосенки и засверкали при беззвучномъ паденїи.

— Тише... Чего горланишь...

— Въ лѣсу-то. Господь съ тобой, Алеханушка.

— Въ лѣсу? При Бироновѣ, сказываль родитель, опенки изъ лѣсу бѣгали доносить про все, что толковалось въ чащѣ.

— А тутъ теперь и опенокъ нѣту. Зима! шутиль Григорій Орловъ.

— Береженаго Богъ бережетъ. Да, времена нынѣ пришли. Два мѣсяца, какъ померла Лизаветь Петровна, а что ужъ воды утекло... А все этотъ принць. Все онъ. Государь тутъ, ей-ей, ни причемъ. Не приѣзжай онъ...

— Да этотъ принць Жоржъ не то, что вонъ лѣсной Михайль Иванычъ Ведмѣдевъ, тише вымолвилъ братъ. Этотъ не насъ однихъ сомнетъ своими порядками.

— Насъ?.. Какъ бы всю гвардію не помялъ, отозвался Алексѣй. Да что гвардія! Все можетъ поломать и вверхъ ногами вывернуть. А мы будемъ смотрѣть, да моргать! Да! какъ-то странно и желчно выговорилъ онъ. Мы будемъ въ кустахъ сидѣть, да ворчать, да шишь показывать за версту. И не робость помѣхой дѣлу. А стыдъ сказать что... Лѣнь! Да, лѣнь... Все какъ-то чрезъ пень колоду валимъ. Погодите, да обождите, да отдохните... Да эдакъ вотъ два мѣсяца и годимъ. Устанемъ отъ сидѣнья — на охоту... А то за бабьемъ ухаживать... И

какъ право не наскучить. Все бабы да бабы, да все разныя. Что ни недѣля, новая зазнобушка. Чудно, право. Да и тому-ли теперь на умѣ быть.

Алексѣй замолчалъ и будто слегка приунылъ.

Григорій заговорилъ первый послѣ минутнаго молчанія и голосъ его 'завучалъ какъ-то нѣжнѣе, будто онъ винулся. Упрекъ брата прямо относился къ нему и онъ мысленно сознался въ правотѣ его.

— Чтожь, Алеханушка. Я не отпираться. Правда твоя. Да вѣдь это съ тоски. А начните, поведите дѣло по еройски. И все я брошу. И охоту, и вино, и картежь... А барынь-то вашихъ я и безъ того порѣшилъ бросить. Ну ихъ...

— Толкуй! усмѣхнулся недовѣрчиво Алексѣй. Бросишь? Ты? Да тебѣ безъ нихъ дня не прожить. Ты съ колыбельи бабій угодникъ уродился.

— Угодникъ? Никогда я имъ не бывалъ. А по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Я только не зѣваю. А искать, я не ищу.

— Почему бы это такъ? веселѣе заговорилъ Алексѣй. Я зачастую вотъ думалъ: вѣдь не краше же ты другихъ нашихъ молодцевъ. А ни за вѣмъ изъ нихъ наши франтихи такъ не бѣгають. И чѣмъ ты берешь... Наговоръ что-ли какой вѣдаешь? У нѣмца какого за границей купилъ приворотъ какой?

— Наговоръ? На кофейную гущу на тощакъ дую. Угольи по водѣ пускаю, да причитываю, фразсмѣялся Григорій. Нѣтъ, братъ. Мое колдовство простое, да не въ домекъ нашимъ молодцамъ, хоть они и прятче меня. А нѣтъ проще дѣла.

— Что же? Приворотъ что-ль какой изъ травъ заморскихъ?

— Мой приворотъ тотъ, что у меня любовное дѣло—мертвое дѣло!

— Мертвое?

— Да, мертвое. Такое дѣло, что про него я одинъ знаю, да она одна знаетъ. А это нынѣ въ Петербурхѣ для всякой молодницы чужой жены и довольно. Когда дѣло какое ни есть—мертвое, такъ тутъ все одно, что есть оно, что нѣтъ его...

— А Куракина? Всеу Питеру, братъ, вѣдомо, что ты изъ-за нее чуть не по трубѣ водосточной лазилъ, да по крышѣ.

— Это одно дѣло съ оглаской и было. И то потому, что она сама того хотѣла на всю столицу напумѣть. Бя воля была. За то полсотни было тавихъ, объ коихъ ты, братъ, родной мой, никогда и въ умѣ ничего не держалъ. Да что, Алеханушка!.. Коли къ слову пришлось! Григорій Орловъ оживился и глаза его блеснули ярче.—Можетъ и теперь вотъ... Можетъ со мною теперь такое приключается, такое на душѣ легло, что кабы ты вѣдалъ, тагъ ахнулъ бы... Какое тутъ ахнулъ? Заоралъ бы благимъ матомъ на весь вотъ этотъ лѣсъ.

— Въ принцессу что-ль какую влюбился? разсмѣялся Алексѣй. Ихъ теперь съ принцемъ Жоржемъ много приѣхало изъ Голштиніи.

— Нѣтъ. Что мнѣ твои принцессы. Невидаль!

— Не ври.

— Затѣмъ врать... Мы здѣсь не въ трактирѣ, грустно вымолвить Григорій. Да и не ради похвальбы я рѣчь завелъ. А ради тяжести душевной... Вотъ ужъ недѣлю камнемъ лежитъ оно у меня на душѣ.

— Кто-жъ такая твоя новая ворожея. Такой и нѣтъ въ столицѣ. Русскихъ принцессъ у насъ въ Питерѣ теперь нѣту! весело говорилъ Алексѣй; но вдругъ, глянувъ въ лицо брата, запнулся и прибавилъ взволнованнымъ голосомъ. Гриша, балагуришь? Во снѣ видѣль...

Григорій Орловъ махнулъ рукой и прошепталъ:

— Охъ нѣтъ, въ яви, братъ. А и радъ бы въ ину пору, чтобъ мнѣ та явь, сномъ обернулась!

Алексѣй Орловъ схватилъ брата за руку и замеръ въ движеніи.

— Гриша, да Господь же съ тобой... шепнулъ отъ почти задохнувшись.

— Алеханушка, я не говорилъ... а коли ты самъ по догадѣ дошелъ, то молчи.

— Молчать... Я... Что ты, Гриша. Да тутъ Іуда промолчить, а я тебѣ братъ... Ты самъ-то... Самъ молчи. Себѣ самому въ горницѣ не сказывай... Гриша... Зачѣмъ? Вѣдь это нашему дѣлу только помѣха! И какъ это все. Ахъ, Гриша... Вѣдь это смертью пахнетъ.

— Любовь, что пьянство, Алеханушка! Себя не помнишь... Да и сердце нешто спрашивается? А что смертью пахнет мнѣ всегда любу было, воскликнулъ Григорій Орловъ чуть не на весь лѣсъ. Чудны вы, погляжу я. Ты вотъ въ трактиръ ломишься, гдѣ Шванвичъ со всей своей компаніей буянить и гдѣ тебя могутъ кіемъ или кулакомъ убить зря... Въ войнѣ, въ битвѣ на пушки, да на завалы лѣзешь, гдѣ тебя самый лядацій вѣмецъ можетъ изъ пистолы уложить какъ муху... Ночью опять бываетъ, проселкомъ гдѣ ѣдешь, зная, что весь тотъ путь грабители заставили и, того гляди, ухлопаютъ изъ-за забора или изъ-за пня... Ну? А вѣдь не робѣешь, лѣзешь насмерть!.. А тутъ, въ любовномъ дѣлѣ трусить, объ опасѣ думать!.. Тутъ когда, бываетъ, тебя ждетъ твоя... твоя... Ужъ не знаю какъ и назвать-то... Вся-то жизнь твоя и душа-то твоя тамъ будто осталась съ вечера, да опять поджидаетъ... Такъ тутъ видишь-ли, раздумывай, да опаску соблюдай.. Что ты братъ!! Тебя знать еще не ждала. Смертью говорить пахнетъ. Тогда-то и любу братъ, какъ въ ночь-то вы втроемъ на свиданіи: ты, она, да смерть за плечами.

Алексѣй Орловъ стоялъ понурившимся и не шевелясь и уныло глядѣлъ въ чашу лѣсную.

— Что?.. Не по твоему?.. Эхъ, братъ, право, тѣмъ жизнь и мила, что смерть есть!

— Охъ, Гриша, Гриша...

— Чего?..

— Охъ, Гриша... Что ты мнѣ сказалъ. Вѣдь за это хоть прямо на площади голову снимай.

Григорій Орловъ выпрямился.

— Голову! За что? Любовь никому не обида! А еслибъ и такъ. Пускай!.. Ты, Алеханушка, знать, еще не любилъ никого, какъ я теперь. Голову, говоришь? Да десять, сто, ихъ сьмай, тыщу... Голову! Да и самъ себѣ, коли нужно, оторву свою обѣими рукаму, да брошу ей въ ноги. На, молъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!!

Григорій смолкъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, проводилъ рукой по горячему лбу. Алексѣй тихо поднялъ голову и задумчиво глядѣлъ на круглый мѣсяцъ, сіявшій въ небѣ.

III.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Григорій Орловъ собрался было снова заговорить, но младшій братъ вдругъ поднялъ на него руку и сталъ прислушиваться. Оба вдругъ притаили дыханіе. Особый шорохъ послышался невдалекѣ отъ нихъ; что то хрустнуло и зашуршало, потомъ все смолкло... потомъ опять хрустнуло что то... Другихъ охотниковъ, кромѣ нихъ, вблизи быть не могло.

Братья поняли, переглянулись и усмѣхнулись. Страсть къ любимой забавѣ сказалась съ разу. И все было забыто! Оба лица за мгновеніе унылыя—просвѣтлѣли.

— Мишенька! почти нѣжно и страстно шепнулъ Григорій Орловъ.

— Твое счастье. На тебя вышелъ, отозвался братъ, тоже шепотомъ.

Шорохъ близился и наконецъ шагахъ въ двадцати отъ нихъ показалось за прогалиной, на противоположной опушкѣ, что то круглое, темное и странно двигалось оно, будто катилось клубомъ по снѣгу.

Алексѣй Орловъ быстро досталъ изъ са спины мушкетонъ.

— Палить? шепнулъ онъ вопросительно брату. Я на тебя поднять... а не бить.

— Да, пугни! Нѣтъ, бей по лапамъ. А то на двухъ, пожалуйста, не выйдетъ.

Раздался выстрѣлъ. Животное рывнуло и повернуло было въ чащу, но Алексѣй Орловъ крикнулъ, затопалъ и, доставъ пистолетъ, выпалилъ снова на удачу.

Медвѣтъ матерый, темнорыжій и огромный вернулъ на охотниковъ. Поднявшись въ тѣни, среди голыхъ стволовъ, онъ зашагалъ на заднихъ лапахъ и вышелъ на свѣтъ, отчетливо рисуясь на освѣщенной луною прогалинѣ. Длинная синяя тѣнь легла предъ нимъ на сугробъ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ на охотниковъ.

Григорій Орловъ, готовый на бой, будто преобразился, будто выросъ еще на аршинъ. И отъ него не малая тѣнь ше-

велилась на хрустящемъ снѣгу. Ухвативъ рогатину на перевѣсь, онъ шагнулъ широко на медвѣдя и крикнулъ весело.

— О-го-го, Миша, здорово. Вишь ты какой почтенный! Стоить погрѣться съ тобой.

Медвѣдь, испуганный выстрѣлами и криками двухъ враговъ, злобно сапгълъ и несъ себя высоко на ногахъ.

Орловъ шагнулъ еще ближе къ самому животному и привычной рукой, размахисто ткнулъ въ него рогатиной, глубоко всадивъ лезвее. Медвѣдь заревѣлъ.

— Разъ! весело крикнулъ сзади Алексѣй и прибавилъ крѣпкую шутку, отъ которой братъ разсмѣялся; но дикій ревъ на весь лѣсъ заглушилъ и слова и смѣхъ.

Медвѣдь ударилъ лапами по рогатинѣ, вонзенной въ его животъ и обхватилъ ее. Оружіе дрогнуло отъ этихъ ударовъ въ рукахъ охотника; онъ быстро вырвалъ лезвее и тутъ же снова вонзилъ. Кровь, дымясь, хлестнула изъ раны на серебристый снѣгъ.

— Два! Мишенька! крикнулъ онъ весело, чуть не на весь лѣсъ.

— Ой! Шибко бьетъ разбойникъ! Придержи, Алеханушка.

Оба брата съ одушевленными лицами уперли толстую и длинную рогатину въ землю и держали. Медвѣдь все ревѣлъ, все болѣе налѣзалъ на лезвее, рвавшее его внутренности, топталъ подъ собою окровавленный снѣгъ и уже хрипливо завывая, слабѣе билъ по рогатинѣ, напрасно стараясь достать удалыхъ враговъ. Паръ легкими клубами валилъ отъ него и дымкой вился на морозѣ, вокругъ мохнатой шкуры...

— Сядь, Миша, сядь! весело крикнулъ Григорій.

— Полно хлопотать-то, садись, родимый, прибавилъ и Алексѣй.

Животное, ослабѣвшее, наконецъ, отъ потери крови осунулось и слегка опустилось, поджимая заднія лапы. Только дикій ревъ оглашалъ лѣсъ.

— Валить? сказалъ Алексѣй, придерживавшій рогатину.

— Чего? Не слышать. Ишь ореть...

— Валить, говорю. Не встанеть, небось...

— Рано. Ну, да въ двоимъ-то осилимъ. Не здоровѣе же онъ Шванвича! крикнулъ Григорій.

Оба брата при этомъ имени громко расхохотались. Медвѣдь съ испуга приподнялся снова отъ дружнаго взрыва смѣха, но осунулся опять и совѣмъ сѣлъ. Братья вырвали изъ снѣга свой конецъ рогатины уперлись въ нее оба и съ усиленіемъ повалили животное навзничь. Медвѣдь слабо забарахтался среди окрашеннаго сугроба и затѣмъ, не смотря на вырванную рогатину, не поднялся.

Григорій Орловъ досталъ длинный кинжалъ изъ-за пояса, быстрымъ движеніемъ нагнулся надъ животнымъ и размахисто вонзивъ въ него весь кинжалъ, распоролъ горло. Медвѣдь зашипѣлъ какъ-то и, зарывая горячую морду въ снѣгъ, только судорожно подергалъ задними лапами и распластался во всю свою длину.

— Ладно, Миша. Такъ-то лучше... весело сказалъ Григорій. Погрѣлись однако знатно, обратился онъ къ брату и, снявъ мѣховую шапку, обтеръ себѣ лобъ.

— Да, силенъ былъ покойникъ Михайло Иванычъ.

— Будь одинъ съ нимъ, пришлось бы палить. Сдался бы ты, Минутка, не иначе, какъ на нѣмцевъ ладъ. А то-ли дѣло эдакъ... Побарахтаться, да погрѣться! Ишь вѣдь здоровенный!.. нагнулся Григорій надъ медвѣдемъ.

— Пожалуй, даже посильнѣе Шванвича, усмѣхнулся Алексѣй. Того мы вдвоемъ легче одолѣваемъ.

Братья разсмѣялись.

— Ну, теперь надо звать Ласунскаго и своихъ Чухонъ.

— Врядъ дозовемся. Коли на зовъ горластаго Мишки не прибѣжали, стало такъ далеко, что и не докличешься.

Алексѣй Орловъ досталъ изъ-за спины охотничій рогъ и сталъ трубить. Потомъ прислушался.

Все было тихо, и не только отвѣтнаго звука другой трубы, ни шелеста, ни шороха не слышно было кругомъ среди морознаго затишья и застоя.

— Вотъ что, братъ, нечего даромъ-то за музыкой время терять, сказалъ онъ. Берись! Впрягемся мы въ Мишку, какъ парой въ дышло, да за задніе лапы и потащимъ въ лошадамъ. Тутъ болѣе версты не будетъ.